

11. ВЕРХОВНЫЙ ИЗБРАННИК ДВЕНАДЦАТИ ИЛИ КНЯЗЬ ЭМЕТ

Долг Князя Эмет¹ – быть честным, верным и надежным; защищать людей от клеветы и незаконных обвинений; бороться за их политические права и, по мере сил и возможностей, следить за тем, чтобы те, кто разрушает государственные устои, всегда несли заслуженное наказание.

Вы должны быть верны всем своим обязательствам перед всеми людьми.

Вы должны быть честны и откровенны во всем и со всеми.

Вы должны честно выполнять свой долг.

И да не раскается никто в мире в том, что положился на ваше усердие, ваш профессионализм и ваше слово.

Величайшей отличительной чертой истинного масона является его сочувствие всему человеческому роду. В человеческом роде он видит одну большую семью, где каждый член связан с другими членами невидимыми нитями могущественной паутины обстоятельств, создаваемых и поддерживаемых Господом.

А коль скоро он ощущает это сочувствие, его первейшим долгом как масона становится вспомоществование своим ближним. Как только он вступает в Орден, он перестает быть один, становясь членом огромного вселенского братства, и принимает на себя обязательства по отношению к каждому масону на Земле, в то время как каждый масон принимает на себя такие же обязательства по отношению к нему.

И эти обязательства принимаются им отнюдь не только по отношению к масонам. Они касаются также его страны и особенно огромной страдающей массы ее простого народа, ибо каждый его представитель – брат масону, и Бог слышит каждого из них, как тихо он ни воссылал бы свои мольбы ввысь, чередуя их со стонами. Всеми доступными средствами – через свое влияние, силу убеждения, еще как-нибудь, если этого потребуют чрезвычайные обстоятельства, он просто обязан защищать простой народ от незаконного преследования и тирании.

Он с одинаковым упорством защищает и совершенствует простой народ. Он не льстит народу, ибо это уводит народ от истинной цели, он не подлаживается под него, чтобы обрести над ним власть, масон не скажет народу, что он не способен на ошибки, что глас народа – глас Божий. Но он знает, что безопасность любого государства при любой форме его устройства, продолжительность его существования и память о нем в веках зависят от добродетели и разума простого народа этого государства; и добродетель эта должна быть такова, чтобы ее нельзя было отнять у народа силой оружия; а такой она будет, только если является продуктом постоянной практики мужества, доблести, справедливости, умеренности и милосердия; если она глубоко укоренилась в умах и сердцах людей, и тогда народу не страшны даже те, кто несомненно может попытаться отобрать у них предательством и хитростью то, что они не отдали тем, кто пробовал это отобрать силой оружия или государственной власти.

Масону отлично известно, что, если, отложив в сторону орудия войны, когда в них больше нет нужды, люди имеют обыкновение

¹ Другой вариант написания – «Амет». Это слово означает «верность, правда, постоянство, твердость, истинность», но основным значением остается «правда, истина». Ему родственно египетское имя бога «Амон». – Р. Х.

пренебрегать мирными искусстваами и науками, если свобода и мир народа являются для него причиной постоянного пребывания в состоянии войны, если война для него является естественным состоянием, единственной доблестью и вершиной его успеха, этот народ вполне может вскоре счесть долгожданный мир неестественным и болезненным состоянием, противным его интересам. И тогда снова грянет война, еще более страшная и разрушительная; и то, что этот народ почитал свободой, будет для него еще хуже рабства. Ибо только посредством обретения Знания и нравственности, не велеречивых и пустых, а истинных, незапятнанных и немногословных, может народ расчистить свои горизонты от пелены невежества, заблуждений и страстей, поднимающейся с влажных лугов порока; в противном случае когда-нибудь обязательно найдется некто, кто заставит весь этот народ склонить головы, чтобы удобнее было надеть ему на шею ярмо, которое суждено всем низким и невежественным народам; и этот народ, несмотря на все свои военные заслуги, склонится перед новым завоевателем, тут же забыв о своей славе, а завоеватель будет черпать силы для своей деспотической власти именно в невежестве народа, его страстях и неуравновешенных заблуждениях.

Народ, который подчиняет свои богатство и процветание алчности, чувственности и ни на чем не основанному честолюбию отдельных личностей, не изгоняет из них самих и их семей роскошь, не сдерживает рост нищеты, не способствует образованию неимущих, не стремится возвысить своих соотечественников над низменностью и пропастью греха, не старается, чтобы труженики не умирали от голода на порогах роскошных пиршественных залов праздной аристократии, вскоре осознает, что выпестовал таким образом алчность, страсти, необоснованные амбиции и неизмеримую роскошь всего лишь одного класса на фоне нищеты, деградации, пьянства, невежества и огрубения основной массы населения; что в стране появилось больше сорняков, чем на заброшенном поле; и тогда непременно на его шею вскоре усядется очередной тиран.

Вот первые враги, которых следует победить, первые войны во имя мира, первые победы, бескровные, но исполненные славы и достоинства, которые гораздо достойнее тех побед, достигнутых убийствами и грабежами; и если не одержать победу в этой войне, уже не имеет никакого смысла одерживать победу над жестоким и деспотичным врагом на полях сражений.

Ибо если какой-либо народ полагает, что величие, мудрая и дальновидная политика состоят в том, чтобы изобретать новые налоги, сборы и займы, дабы вытягивать все соки из беднейших слоев населения; наращивать и наращивать вооружения на земле и на море; соревноваться в хитрости и низости с послами иностранных государств; входить в сговоры с целью поглощения территории соседних государств; заключать несправедливые и лживые договоры; править страной за счет страха ее народа перед властью предрержащими; а не наоборот – в том, чтобы нести всем без исключения людям в стране справедливость, одинаковую для всех; улучшать положение и оказывать помощь трудящимся массам; помогать неимущим, повышать благосостояние трудолюбивых и умиротворять униженных; строго блюсти честно приобретенную частную собственность, тогда такой народ в большой беде, он впал в колоссальное заблуждение, и слишком поздно он осознает, когда иллюзия обретенного

таким образом могущества рассеется, что, презирая эти казавшиеся малозначительными добродетели, он сам подготовил свой крах и свое падение.

К сожалению, в каждом веке возникают свои собственные проблемы, зачастую крайне сложные и практически неразрешимые; проблема этого века, например, которую он предлагает всем нам и призывает к ее решению всех мыслящих людей, такова: как в государстве с огромным населением, процветающем и благословленном свободными правительственными институтами и конституционной властью, обеспечить все огромные массы простого рабочего народа постоянной и достойно оплачиваемой работой, не дать им вымирать от голода, а их детей удержать от греха и разнузданности и наоборот – не просто обучить их читать и писать, а дать им тот уровень знаний, который позволил бы им осознанно исполнять свои обязанности и пользоваться всеми правами свободных граждан, пусть им даже будет – как это зачастую ни опасно, даровано избирательное право.

Ибо даже если нам не известно, почему бесконечно мудрый и милосердный Господь так все устроил, несомненно именно Его законом является такое положение вещей, когда даже в цивилизованных христианских странах большая часть населения обретает счастье в том только случае, если на протяжении всей своей жизни – от младенчества до старости, в здравии и болезни, – эти люди имеют достаточное количество самой простой пищи для пропитания самих себя и своих детей, их спасения от гнетущего чувства голода, простейшей и грубейшей одежды для защиты самих себя и своих детей от пронизывающего окружающего холода, а также если им есть где преклонить голову, пусть это будет простейшее и грубейшее жилище.

А также, по всей вероятности, Он учредил другой великий закон, который до сих пор ни одно земное человеческое общество не было в силах ниспровергнуть, состоящий в том, что, как только страна становится густо населенной, ее капиталы имеют тенденцию концентрироваться в руках ограниченного количества людей, которые вскоре обретают власть над производительным трудом, вследствие чего не менее скоро оказывается, что простой ручной труд, например, ткача или кузнеца, стоит не больше самого низкого прожиточного минимума, а в крупных городах и деревнях на всей огромной территории страны – и того меньше, а сами труженики в отрепьях блуждают по просторам страны, умирая от голода и не находя работы.

Лошади и быку всегда найдется работа, за которую их сытно накормят, а с человеком это далеко не всегда так. Получить работу, которая оплачивалась бы достойно, становится одной из наиболее важных целей человеческой жизни. Капиталист вполне может прожить, не используя труд наемного рабочего, и он увольняет последнего, как только производимый им труд перестает приносить прибыль. Как только погода перестает благоприятствовать, рента – расти, а условия рынка – ужесточаться, он прогоняет работника, обрекая его на голодную смерть. Если поденщик заболевает, ему перестает начисляться заработная плата. Когда он стареет, не может быть никакой речи о пенсии для него. Его дети не могут получить образование, ибо не успевают их кости окрепнуть, как им тоже приходится становиться поденщиками, а то они умрут от голода. Сильный и здоровый мужчина вынужден работать за пару шиллингов в

день, в то время, как его жена, склонившись над тусклым пламенем угля в очаге, когда ртуть в термометре опускается гораздо ниже нулевой отметки, а дети, плача от голода, наконец заснули, при свете единственной своей дешевой свечи зашивает одежду своего супруга без всякого материального возмещения, ибо он, взяв ее в жены, точно купил, ничего не платя, ее каторжный повседневный труд.

Отцы и матери убивают собственных детей ради правительственной денежной компенсации на похороны, чтобы смертью одного ребенка купить жизнь, еду и одежду для оставшихся детей. Несчастные босоногие девочки в жуткий жалящий мороз метут уличные перекрестки и жалостливо выпрашивают пенни у прохожих, кутающихся в теплые меха. Дети растут в страшной нищете и пугающем невежестве; нужда заставляет девушек и женщин торговать своим телом; другие женщины в мороз, падая от голода, ночь напролет и ночь за ночью, похожие на груды старого тряпья, подпирают стены рабочих домов в надежде, что там освободится для них местечко; сотни семей живут буквально друг у друга на головах в рабочих бараках, где царят смрад, болезни и прочие кошмары, где мужчины, женщины и дети копошатся по колено в грязи; но зато там вповалку спят вместе люди всех возрастов, всех рас и национальностей, в то время как в великом и могущественном республиканском государстве в расцвете юности, сил и мощи практически каждый молодой человек с семнадцати лет становится нищим и начинает получать пособие по безработице.

Как справиться с этим практически неизбежным злом и нравственной болезнью, наверняка самая важная из всех общественных проблем. Что делать с нищетой и избыточным предложением на рынке труда? Как может продолжаться жизнь страны, в которой жестокость и пьяное полуварварство полномочны выбирают своих представителей, не оставляющих своих привычек, даже занимая государственные посты и оказывая воздействие на правительство? Как быть, если не мудрость и общественный вес, а скандальность и низменный порок возносятся на сенаторские посты, если отбросы общества, «благоухающие» грязью борделя, оказываются у руля в департаменте ценообразования и на бирже, легализуют игорный бизнес и всячески возносят подлость и презрение к нравственности в угоду прибыли?

Масонство должно делать все, что в его силах – или через прямое свое влияние, или посредничество, или сотрудничество с другими людьми, чтобы просвещать, совершенствовать и защищать народ, улучшать физические условия его существования, уничтожать то, что неизбывно гнетет его, удовлетворять, по мере возможностей, его нужды. Так пусть же каждый масон сделает все, что в его силах, для этого!

Потому что правда, и всегда было правдой, и вечно пребудет правдой, что быть свободным – значит, быть и религиозным, и мудрым, и умеренным, и справедливым, и воздержанным, и великодушным, и отважным; а если человек обладает диаметрально противоположными качествами, он все равно что раб. И часто случается так, что, по воле и, как мы уже не раз имели возможность видеть, невыразимой справедливости Господней, люди, неспособные управлять собой и умерять свои страсти, попавшие в кабалу к своим порокам, вскоре вынуждены бывают идти в настоящее рабство.

Также справедливость и законы Природы диктуют тому, кто в силу

собственной глупости или неумеренности не в силах управлять сам собой, необходимость быть управляемым другими.

Превыше всего прочего, нам никогда не следует забывать о том, что все человечество есть одно большое братство: все мы рождены для страданий и горя, а потому должны сострадать и сочувствовать друг другу.

Ибо ни одна из возведенных людьми до сих пор башен Гордыни не бывала настолько высока, чтобы раз и навсегда вознести своего строителя и владельца над испытаниями, страхами и слабостями остального человечества. Никогда человеческой руке не удавалось (и никогда не удастся) возвести стену, которая была бы настолько крепкой, чтобы не допустить внутрь боль, злобу и слабость. Слабость и горе, несчастье и смерть – великие уравниатели. Они не знают ни высших ни низших классов. Бытовые жизненные нужды и великие и неизбывные потребности человеческой души не знают исключений ни для кого. Они делают всех людей одинаковыми и одинаково бедными и слабыми. Они заставляют величайшего из правителей мира страдать от голода точно так же, как и самого нищего из уличных попрошаек.

Однако принцип сострадания сам по себе не порочен. Мы ошибаемся, а последствия ошибок делают нас мудрыми. Все окружающие нас стихии, все природные законы, по которым мы живем, ведут нас к этому, ибо Провидение намерено вести нас к Истине и счастью путями болезненных ошибок и просчетов. Если же ошибки только учат нас ошибаться и дальше, если они только в очередной раз убеждают нас в нашем несовершенстве, если страдания, в которые ввергает нас наше собственное следование путями попустительства отвратительному пороку, ведут нас только к дальнейшему погрязанию в пучине греха, такое страдание грешно и порочно. Но ведь все не так: наоборот, все наши страдания должны, по идее, заставлять нас пересматривать свои поступки и исправляться нравственно. Страдание – наука добродетели, которая больше счастья, но именно поэтому включает счастье в себя. Добродетель воспитывает, растит и совершенствует счастье. Добродетель – это приз победителю трудной гонки, кровавого и тяжелого сражения, и она стоит всех перенесенных ран и затраченных усилий. Человек должен идти вперед, смело и непреклонно, на битву с пороком. Он должен возобладать над ним и не позволить ему возобладать над собой. Никогда не должен человек оставлять свой пост, связанный с постоянными испытаниями, иногда смертельно опасными; он не должен сходить с места до тех самых пор, пока Провидение не станет судить его по делам его и не прикажет в конечном итоге взлететь ввысь или пасть в пучину. Отважно и целеустремленно должен истинный масон вершить предназначенную ему работу, глядя сквозь мутное облако человеческих пороков ввысь, на светлый Престол высшего мира. Путь страданий возвышен и велик. Никакие страдания не могут длиться вечно или быть бесполезными или бесцельными. Они назначены нам беспредельной Мудростью Господней и Его беспредельной Любовью, дабы со временем мы возвысились до истинных счастья и славы.

Добродетель есть истинная свобода; ведь нельзя назвать свободным в полном смысле этого слова того, кто склоняется пред собственными страстями, как нельзя назвать рабом преданного слугу Господа. Лучше всего воспринимается обучение на собственном примере, и лучший пример – добродетель наставника. Счастливы сотворивший добро и показавший

другим добрый пример. Время не сотрет его заслуги из памяти потомков. Он действительно живет и после смерти тела, и его добродетели являются посмертными вечными обелисками его славы, и каждый новый день добавляет славы его памяти в людских сердцах. Добрые дела – это семена, которые приносят добродетельному человеку урожай ежедневно; слава его деяний проживет намного дольше мраморных памятников.

Жизнь – это школа. Мир людей – это не тюрьма, не камера предварительного заключения, но и не дворец из слоновой кости, полнящийся лишь радостью и увеселениями, не театр, в котором мы только зрители, наблюдающие разыгрываемое перед нами представление; это место нашего постоянного обучения и опыта. Жизнь дается нам ради нашего нравственного и духовного просвещения; и весь курс обучения в этой великой школе жизни направлен на то, чтобы мы возвысились к добродетели, счастью и Жизни Грядущей. Жизненные циклы – это семестры обучения в этой школе; все жизненные ситуации – изучаемые предметы; все занятия на протяжении жизни – уроки. Первичной ячейкой этого образования в школе жизни является семья; затем следуют различные общественные институты и группы, а потом – университеты, то есть царства и республики.

Богатство и бедность, радости и горести, свадьбы и похороны, налаживание общественных связей и их разрыв, удары судьбы и удачи, благие приобретения и болезненные утраты, все это уроки в школе жизни. Все жизненные события отнюдь не беспорядочны, наоборот – они тесно связаны между собой. Не бывает и не может быть так, чтобы Провидение наставляло одного человека, а другого в то же время ограждало и оберегало от жизненных испытаний и горестей. У Провидения не бывает богатых любимчиков и несчастных жертв. Случившееся с одним случается и со всеми остальными. У всех людей на Земле одна цель, всех ожидает один и тот же конец.

Богач наверняка прошел хорошую школу жизни. Наверное, он считает, что его богатство – огромное его достижение, которое делает его великой личностью; но в действительности он всего лишь ученик. Он, наверное, считает себя Мастером, хозяином, которому ничего не надо делать – только приказывать и командовать; но в действительности над ним существует другой, Высший, Хозяин – Мастер Жизни. А Он не смотрит ни на наше положение в обществе, пусть и самое высокое, ни на наши неисчислимы претензии на величие, ни на то, как мы применяем в жизни полученные знания, но лишь на то, насколько мы в действительности овладели этими знаниями. И богатых и бедных Он оценивает по одной и той же мерке, и для Него между ними не существует иных различий, кроме различий в степени постижения Истины.

Если из богатства мы извлекаем уроки умеренности, скромности, незаметности, благодарности Господу и щедрости к ближнему, мы достойны славы и награды. Если же мы обучаемся лишь самовлюбленности, эгоизму, несправедности, пороку, презрению к слабым сим, брезгливости по отношению к менее удачливым своим братьям и неуважению к Провидению Господню, мы недостойны похвалы, мы осуждены на наказание и презрение, пусть и привыкли всю жизнь купаться в роскоши и гордиться тем, что происходим из рода, насчитывающего сотни поколений достойных и прославленных людей; пусть все и вправду так, но для Небес и всех праведников этого мира это

все равно что мы лежали бы в больнице, пав жертвой нищеты и жестоких болезней, или умирали бы в ночлежке, или под забором, или на свалке. Простейшее понятие человеческого равенства принимает в расчет не школу, которую закончил человек, но только то, чему он в ней научился; и правосудие Небес также не будет отходить от этого стандарта оценки, потому что оно равно для всех.

Бедняк тоже прошел школу жизни. Так пусть же не забывает он то, чему научился, вместо того, чтобы плакать и жаловаться на превратности судьбы. Пусть он следует путем скромности, умеренности и сердечной доброты. Пусть он воздерживается от зависти, зависимости от произвола других и свято блюдет свою независимость и не забывает о самоуважении. Труды тела – ничто. Да не забывает он никогда о возможности нравственного и умственного вырождения и падения. Если удача поворачивается к нему лицом и его положение начинает улучшаться, да не забывает он, в первую очередь, о совершенствовании и развитии своей души. Да извлекает он всегда уроки из своей бедности, пусть и дрящейся вечно, великие уроки выдержки, отваги, веселья, удовлетворенности и твердой уверенности в справедливости Божественного Провидения. При наличии этих добродетелей, наряду со спокойствием, самоконтролем, независимостью и страстной любовью к ближнему, его скромное существование станет священным и более возвышенным, нежели самое высокое и замечательное положение в людском обществе. Но превыше всего да ценит он свою независимость. Да не поручает он – будь он нищий из нищих, обездоленный, беспомощный и отверженный бедняк, – свою жизнь доброте окружающих. Господином человека должен быть Бог, а не другой человек, и да не отвергнет никто уроков жизни в нищете – по своей ли подлости, будучи ли подкуплен другими, потому что в противном случае его ждет падение, которое хуже бесчестья, утрата уважения к самому себе.

Связи, устанавливаемые нами в обществе, учат нас любить друг друга. Сожаления достойно то общество, в котором отсутствие искренней любви и привязанности его членов друг к другу пытаются заметить помпезностью, красивыми словами, учтивостью и лицемерным лоском, которые сияют, но не могут прикрыть честолюбие, зависть, взаимное недоверие, которые правят в таком обществе вместо простоты, доверия и доброты.

Общественная жизнь также учит человека скромности и доброте; и из неуважения окружающих, неоправдания оказанного доверия недостойным человеком, неспособности мира оценить нас по заслугам мы извлекаем уроки терпения и спокойствия, возможности и необходимости быть выше общественного мнения, причем, не цинично и с горечью в душе, а спокойно, дружелюбно и с любовью к людям.

Смерть – тоже великий учитель, суровый, холодный, неумолимый и неборимый; ее не в силах остановить, или отворотить ее приход, объединенная мощь всех людей и всех людских сообществ. Последнее дыхание, слетающее с уст царя царей мира сего или самого нищего, опустившегося бродяги, одинаково едва колеблет прозрачный воздух, и вернуть его на уста умирающего нельзя ни на секунду ни за какие земные богатства. Какой это великий урок нашей слабости и незащитности пред лицом Великой Силы, Которая превыше нас всех! Это страшный урок, к которому никто и никогда не в силах привыкнуть. Смерть красной нитью проходит через всю историю Земли, окруженная величайшей и страшной

тайной, и налагает свою длань на всех и вся. Она являет свою власть ежедневно и ежечасно. Прошедшие годы отмечены ее мрачными и пугающими верстовыми столбами; ее перст оставляет огненные письма скорого конца на стенах каждого дома.

Смерть учит нас Долгу; мы все должны исполнить свой долг, сделать назначенное нам дело. Когда человек умирает, возникает лишь один, самый главный вопрос: хорошо ли он прожил жизнь? В смерти нет зла; зло бывает в прожитой жизни.

Уроки в школе Божественного Провидения тяжелы; но, тем не менее, все занятия в великой жизненной школе во всех случаях и ситуациях человеческой жизни отлично приспособлены к индивидуальным способностям и возможностям каждого конкретного человека, рождающегося на свет, его страстям и недостаткам. Нет в них ничего особенного, такого, что не вело бы напрямую к ожидаемому результату. Вся человеческая жизнь есть борьба с трудностями, и если прожить ее правильно, она приведет человека к прогрессу и совершенству. Учиться никогда не поздно. Школа жизни – это не часть жизни, это вся жизнь, во всей полноте ее составляющих. Никогда не настанет то время – пусть и в миазмах тления и немощи старости, – когда можно будет оставить усердие и любознательность, веселье и целеустремленность. Человек терпеливо идет по жизни опасным и нетореным путем, иногда блуждая в полной тьме, ибо терпение порождает совершенство, опасности – победу, а из мглы непременно сверкнет молния, озаряющая человеку путь к Вечности.

Да будет каждый истинный масон прилежным учеником в этой школе жизни, наизусть помнящим все преподанные ему в ней уроки! Да не останется он глух к ее урокам, но да не заботится он особо о том, что узнал, а что – нет. Да не пролетают годы мимо него, свидетельствуя лишь о его безразличии и лени или о стремлении обрести в этом мире все, кроме добродетели. Да не трудится он лишь ради себя самого и да не забывает о том, что самый бедный и презренный из людей этого мира – его брат, имеющий полное право на его сочувствие и помощь, что под грубой робой труженика, вполне возможно, бьется сердце, не менее благородное и великодушное, чем под княжеской мантией.

*«Бог в нас ценит не деньги, а души.
Любит Бог и меня, и тебя.
И Закон мы Его не нарушим,
Всех как братьев по крови любя».*

Не менее важны и другие обязанности, налагаемые на масона посвящением в этот градус. Неотъемлемым Божественным свойством и основанием любой добродетели, говорят каждому масону при посвящении, является Истина, а также неразрывно связанные с ней искренность, правдивость и откровенность, надежность, прямота и все остальные качества, в которые претворяется Истина в душе человеческой. По доброй воле, масон никогда не предаст ничье доверие – ни человека живого, ни мертвого, ни в присутствии оказавшего ему доверие, ни в его отсутствие. Каждому оказавшему ему доверие он остается навечно обязан, и в этом – еще одно проявление высшего для масонов принципа Равенства. Лишь последний человек, как говорил Цицерон, обманет доверие того, кто меньше бы пострадал, если бы не доверился никому. Все добрые деяния,

сотворенные человечеством на всем протяжении его многовековой истории, бывали творимы лишь людьми верными и отважными. Всегда надежный и заслуживающий доверия человек одновременно и добродетелен и мудр; он и сам надежно защищен от опасностей этой жизни, ибо закон не может покарать человека добродетельного, а судьба никогда не отвернется от человека мудрого.

Поскольку в основании масонского Храма лежат добродетель и нравственность, лишь постоянно учась первой и практикуя вторую, может масон считать свое поведение безупречным. Поскольку главной целью Ордена является благо всего человечества, одной из основных добродетелей, обязательных для его посвященных адептов, является беспристрастность, ибо она источник милосердия и душевной щедрости.

Сочувствие бедам окружающих, скромность, но без утраты собственного достоинства, гордость, но без высокомерия, неумение гневаться, ненавидеть и мстить, великодушие и свободомыслие, но без мотовства и безбожия, враждебность по отношению к греху, почтение к мудрости и добродетели, преклонение пред невинностью, постоянство и терпение в часы невзгод, скромность в часы успеха и процветания, стремление избегать всяческих излишеств, пятнающих душу и приносящих вред телу, только следуя этим принципам, масон становится добрым гражданином, верным мужем, нежным отцом, послушным сыном, верным братом, начинает ценить дружбу и с должным усердием исполняет те обязанности, которые налагают на него добродетель и общественные условия.

Именно потому, что масонство налагает на нас обязанность исполнять определенный общественный долг, именуется оно свои занятия работой; и полагающий, что он становится масоном, лишь приняв посвящение в первые два из трех символических градусов, что взойдя на это небольшое возвышение, он с полным правом может рассчитывать на все преимущества и привилегии истинного члена масонского Ордена, не трудясь и не тратя собственных сил, не принося себя в жертву ради блага ближних своих, что в масонстве, собственно делать-то особенно нечего, глубоко заблуждается, непонятно откуда взяв такие странные представления.

Правда ли, что в масонстве так-таки и нечего делать?

Неужели не бывает еще так, что один масон подает в суд на другого масона, принадлежащего к его же ложе, причем, по делу, которое отлично могло быть решено во время простого братского доверительного разговора?

Неужели дуэли, это отвратительное наследие средневекового варварства, запрещенные меж братьями нашими основными законами и осужденные гражданским законодательством, полностью искоренены в странах, в которых мы живем? Неужели высокопоставленные масоны с достоинством отказываются от них? Или же наоборот – они склоняются под гнетом развращенного общественного мнения и отдаются на его милость, несмотря на трагедию, которую они тем самым навлекают на Орден, нарушая данную при вступлении в него клятву?

Неужели масоны более не думают плохо о своих братьях, не злословят о них по темным углам и не судят себя самих по одним законам, а ближних своих – по совсем иным?

Неужели у масонства уже существует отлаженная и эффективная система благотворительности? Неужели оно уже сделало все, что могло, на

ниве народного образования? Где масонские школы, академии, колледжи, больницы, аптеки и дома престарелых?

А политические конфликты? Что, они уже обходятся без войн и страданий целых народов?

Неужели масоны раз и навсегда отказались от оговаривания своих братьев потому только, что те отличаются от них по вере или политическим взглядам?

Какие великие и важные общественные вопросы привлекают наше внимание на собраниях лож? Какие именно зодческие работы, зачитанные на этих собраниях, действительно нацелены на просвещение и образование братьев? Разве большинство наших собраний уже не проходят в атмосфере обсуждения малозначительных обстоятельств нашей деловой жизни, разъяснении ритуальных и административных тонкостей внешней деятельности Ордена, а также посвящения новых и новых кандидатов, которых мы потом не берем на себя труд обучать?

Где, в каких ложах по-настоящему глубоко разъясняется суть наших церемоний и обычаев, пускай со временем они и исказились практически до полной неузнаваемости? В какой ложе посвященных наставляют в тех великих, простых и незапятнанных истинах, которые масонство сохранило для мира?

Мы присваиваем друг другу высокие титулы, которым сопутствуют высокие почести. Считают ли их обладатели себя обязанными нести в мир просвещение в соответствии с высокими целями и задачами масонства? Наследники великих посвященных, правивших империями мира сего, используете ли вы свое влияние в профанском мире для добрых дел во имя гарантированной Конституцией свободы?

Споры ваши должны проходить в форме дружеского разговора. Вы должны жить в вечных согласии, мире и взаимопонимании. Зачем же вы в таком случае держите в своих ложах тех, кто возбуждает раздоры и приводит вас к ссорам? Зачем позволять им и далее преследовать свои непомерные амбиции, сея среди вас вражду? Как согласуются между собой ваши слова и дела? Если вы полные нули как масоны, то какого же влияния можно ожидать с вашей стороны на других?

Вы постоянно хвалите друг друга и в возвышенных тирадах славите Орден и себя в нем. Вы привыкли считать, что вы таковы, какими и должны быть, и вы ни разу не взглянете на себя со стороны, чтобы узнать, каковы вы на самом деле. А все ли ваши действия имеют своей целью воспевание добродетели? Загляните в глубины своих сердец; изучите сами себя непредвзято и дайте ответы на собственные вопросы. Можем ли мы чистосердечно сказать сами себе, что всегда и при всех поворотах судьбы верно и непреклонно исполняли свой долг? Или что мы исполняли его хотя бы наполовину?

Давайте отбросим бесполезное самовосхваление! Давайте хотя бы будем мужчинами, если не можем быть мудрецами! Законы масонства, пусть они нравственно и превосходят все прочие законы, не в силах изменить человеческую природу. Они просвещают, они наставляют на путь истинный, но вести по нему вперед они могут, лишь ограничивая человека в проявлениях его страстей и эгоизма. Но увы, обычно побеждают страсти, и масонство бывает забыто и отброшено прочь.

Прохвалив нас всю жизнь, наши добрые братья не останавливаются на этом и проливают елейные потоки восхвалений и на крышку нашего

гроба. Каждый отошедший на Восток Вечный брат, как бы бессмысленна и порочна ни была бы его жизнь, становится в их устах просто образцом добродетели, настоящим носителем Небесного Света и любимым дитятей Господа. В древнем Египте, где масонство ценилось превыше светской праздной суетности, никто не мог после смерти попасть под освященные своды усыпальницы до справедливого и беспристрастного суда над его земной жизнью. Строгий трибунал судил и выносил вердикт обо всех, включая царей. Мертвому говорили: «Кто бы ты ни был, отвечай перед своей землей за свои дела. Что сделал ты за время своей жизни? Закон спрашивает тебя, Земля слушает тебя, Истина будет судить тебя». Князья мира сего приходили туда, сопровождаемые лишь своими добродетелями и своими пороками. Общественный обвинитель зачитывал список благих и греховных деяний умершего, бросая свет на самые туманные страницы его биографии. Если суд выносил решение, что человек был при жизни грешником, память его подвергалась поруганию перед всем собравшимся народом, и телу его отказывали в погребении с почестями. Какой прекрасный урок масонской справедливости всем сынам человеческим!

Неужели правда, что масонство ныне выхолощено, что высохшая его акация больше не дает тени, что масонство более не шагает в авангарде Истины? Нет. Тогда правда ли, что весь мир уже стал в одночасье свободным? Правда ли, что невежество и суеверие исчезли с лица Земли? Исчезла ли ненависть в сердцах людей? Пропали ли навсегда сребролюбие и ложь? Царят ли среди всех политических и религиозных течений мир и гармония?

Перед масонством стоят еще тысячи и тысячи задач, выполнить которые будет потруднее, чем совершить двенадцать подвигов Геракла. И масонство должно идти вперед и вперед, непреклонно и прямо, оно должно просвещать людские умы, изменять общественный уклад, совершенствовать законы и общественную нравственность. Перед ним расстилается такая же бесконечность, как и та, в которую погружены его истоки. И масонство просто не может прекратить свои труды во имя общественного прогресса, не утратив при этом верность самому себе, не перестав при этом быть масонством.